

УДК 811.161.1

ИСКУССТВЕННОЕ СЛОВО В ЕСТЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

© 2010 г.

Б.Ю. Норман

Белорусский госуниверситет, Минск

norman@bsu.by

Поступила в редакцию 25.03.2010

На материале русского языка исследуется поведение искусственного (изобретённого) слова в естественном (главным образом в художественном) тексте; анализируются особенности речевой стратегии говорящего и слушающего.

Ключевые слова: искусственное слово, агноним, дискурс.

Обычно среди способов создания новых номинаций, новых языковых знаков, наряду со словообразованием, заимствованием и переносом значения, упоминают еще один – **слово-изобретение**, результатом которого является искусственная, или произвольная, номинация. Под «искусственным словом» нами будет пониматься:

- лексическая единица, отсутствующая в данном языке и, соответственно, не фиксируемая толковыми словарями данного языка, даже самыми большими (тем самым отсекаются агнонимы, т.е. слова, плохо знакомые среднестатистическому носителю языка);
- единица, не принадлежащая другому естественному языку (тем самым отсекаются иноязычные вкрапления и варваризмы типа современных *лифтинг*, *месседж*, *римейк*, *слэш*, *трэш*, *билборд*, *рингтон*, *эвент*, *экин*, *флэш-моб* и т.д.);
- единица, не принадлежащая специальному языку символов (тем самым отсекаются различные математические иероглифы, физические или химические обозначения и т.п.);
- единица, не воспроизводящая какую-либо из словообразовательных моделей данного естественного языка (тем самым отсекаются словообразовательные окказионализмы, т.е. авторские неологизмы);
- единица, созданная конкретным говорящим для конкретного текста или группы текстов (обычно нетрудно установить ее авторство и первоисточник);

Наиболее явные, бросающиеся в глаза признаки искусственного слова – это необычность и непонятность; искусственное слово – это **максимально чужой элемент текста**.

Вместе с тем, следует признать, что перечисленные выше признаки имеют не абсолют-

ную, не категорическую, а градуальную силу, что становится очевидным при анализе конкретных примеров. Дело в том, что создатель искусственного слова, с одной стороны, может неосознанно ориентироваться на присутствующий в его голове фонетический образец (в том числе из родного языка). С другой стороны, совершенно искусственное слово может со временем «натурализоваться», стать полноправной естественной номинацией.

Как известно, в истории мировой культуры было немало примеров, когда писатель «изобретал» то или иное необходимое ему слово и вводил его в текст художественного произведения (например, *лиллипут* у Джонатана Свифта, *хлыщ* у И.И. Панаева). Наиболее естественно появление таких искусственных образований в фантастической литературе – их много у А. Толстого в «Аэлите», у И. Ефремова, у братьев Стругацких и других писателей. Это названия народов или отдельных существ, животных и растений, элементов быта или техники; изобретаются также имена людей и топонимы. Приведем несколько литературных контекстов.

У Андрея Платонова в фантастической повести «Эфирный тракт» цитируется древняя философская книга «Генеральное сочинение». Там, в частности, говорится: ...*Центр пройи, полный мамарвы, был веками загадкой, пока мой сын достоверно не показал, что центр пройи состоит из тех же аэнов, только мертвых...* – причем искусственные слова тут же, в контексте, разъясняются.

В прозе Аркадия и Бориса Стругацких «произвольные» названия разъясняются не всегда, и это очень интересно. Видимо, имеется в виду, что читатель должен сам дойти до искомого смысла, а, по сути, глубоко вникать в этот

смысл ему и не следует. Так, в повести «Понедельник начинается в субботу» неоднократно упоминается какой-то инструмент или прибор – *умклайдет*, значение этого образования нигде не разъясняется, а то, что оно напоминает форму немецкого глагола *umkleiden*, только подчеркивает иронию авторов по отношению к читателю: *Все переглядывались, неуверенно улыбаясь. Роман задумчиво играл умклайдетом, катая его на ладони. Стелла дрожала...*

Богатый материал для наблюдений дает зарубежная художественная литература. Так, в трилогии Д.Р. Толкина «Властелин колец» фигурирует множество названий фантастических народов, народцев и отдельных существ; естественно, в переводе на русский язык они тоже получают искусственные названия: *орки, мумакки, горгуны, эйореды, рохирримы* и т.п.

Итак, в простейшем случае искусственные слова – это конструкторы, имеющие под собой некоторый референт, но денотат их носит фантастический характер: он создается говорящим и принимается на веру слушающим.

Однако нередко искусственные слова называют вполне обычные, знакомые предметы, но **делают** их незнакомыми, чуждыми. Тем самым они служат средством художественного приема – остранения, по В. Шкловскому. Очевидно, и в этом случае главное, чем должен проникнуться адресат, – это ощущение «инострности» создаваемого мира.

Вот в пьесе Л. Петрушевской «Анданте» разговаривают две подруги.

Ю л я*В Андстреме сидишь, привязываешься, подсаживаются со своими креслами, предлагают пулы, метвицы.*

А у . *Пулы такие вязаные.*

Ю л я . *Нет, пулы, метвицы, габрио. Вроде всё так невинно, а если с ними начать иметь дело, пропадешь. Нас предупреждают: никаких пулов! Осторожней, особенно с метвицами.*

Как же искусственное слово взаимодействует со своими соседями по тексту – «нормальными» словами? То, что позволяет эрзацу адаптироваться, быть включенным в текст (хотя бы на один раз), – это грамматика, грамматические средства: аффиксы, служебные слова, позиция в составе высказывания.

Таким образом, **первый вывод** выглядит весьма тривиально: «пропуск» искусственному слову в мир естественного текста выдает грамматика. Грамматика приписывает чужое слово к определенному классу, к определенной парадигме и, вместе с тем, помещает его в определенную синтагматическую цепочку. Соответст-

венно, в меру своих сил, она служит освоению, «облагораживанию» искусственной номинации.

Случается, что искусственное слово создается в экспериментальных лингвистических целях. Самый известный в русскоязычном ареале пример – это, конечно, придуманное Л.В. Щербой высказывание про *глокую куздру*. Впрочем, это высказывание уже тоже зажило своей собственной жизнью (благодаря популяризаторским публикациям Льва Успенского, и не только его). В доказательство приведем отрывок из стихотворения современного уральского поэта Юрия Казарина: *Вода раздувает ноздри – ливень с небес хлестнул, / Глокая куздра в кустах донимает бóкра, / Ножки в саду поджигает забытый стул – / Холодно, мокро.*

Искусственные слова – излюбленное детище психолингвистики. Нередко они создаются для того, чтобы проверить возможности семантизации тех или иных звуковых комплексов данного языка. В таком случае они должны быть достаточно выразительны фонетически. Таковы, например, *жаваруга* и *мамлына* у И.Н. Горелова, сопровождавшиеся в публикациях изображениями фантастических существ: одного – мохнатого и колючего, другого – гладкого и округлого (у него же сопоставлялись еще *плюк* и *лиар*, *олоф* и *гбарг* и т.п.) (см.: [3: 16–17]). Очевидно, что согласные и гласные играют тут диагностирующую роль, и неудивительно, что данные названия кочуют по страницам научно-популярных изданий. Интуитивная оценка тех или иных звуко сочетаний приобретает доказательную силу благодаря статистической обработке (обзор таких методик см.: [4: 118–124]).

Фонетика искусственного слова в силу понятных причин важнее, значимее, чем звуковой состав обычного слова. Исследования в области фоносемантики показывают нам, что у слова вообще существует некая семантическая аура, основанная на его формальных признаках; и вопрос лишь в том, насколько эта аура создается случайно или намеренно. Но в случае с произвольно создаваемым названием такой вопрос не возникает: определенное эмоционально-экспрессивное воздействие здесь явно прогнозируется! «Когда мы выдумываем новое слово для обозначения какого-либо предмета, нами неизбежно, бессознательно руководят субъективные соответствия между звуками и предметами» [2: 214].

Покажем это еще на примере из лирической поэзии. В одной из песен Юлия Кима («Однажды в чудный вечер») молодой человек ухаживает за девушкой, и этот процесс изображается следующим образом: *Утики путики сяся / Ёри-*

ки чморики фу. / Вар вар вар вара Калуга / И не сказал ничего. / Значит, еще подождем.

С помощью сугубо фонетических средств здесь показано, как меняется речевая тактика героя песни: от любовного сюсюканья к неудовлетворенному ворчанию. Причем очевидно, что искусственные слова (преимущественно в пределах строки) образуют некоторые фонетические подмножества, «поддерживая» друг друга.

Кроме «чисто фонетических» средств в создании искусственных слов могут участвовать и другие формальные приемы, в частности, прочитывание слова справа налево (вспомним *нофелет* в названии известной кинокомедии «Где находится нофелет?», *розивелет* у А. Вознесенского и т.п.). Встречается и сознательное искажение формы, обрыв или разрыв слова (см. [7: 100–115]).

Ранее мы декларировали противопоставленность искусственных слов **агнонимам** – мало знакомым, узкоспециальным словам. Но в речевой практике носителя языка эти две категории лексики сближаются, поскольку, какими бы причинами ни вызывалось появление подобных номинаций, выходящих за пределы читательского «стандарта», они повышают энтропию текста, придают ему «третье измерение». Приведем отрывок из книги А. Терещенко «Быт русского народа», насыщенной явными агнонимами: *На кафтан или зипун надевали ферязь или терлик, а поверх того охабень или бострог. Самоеды на липты ... надевают тимы, а на тимы – топаки, род кенет* (цит. по: Гаспаров М.Л. Записи и выписки).

Агнонимы интересны не только тем, что **приблизительно** семантизируются (так, мы понимаем, что в только что приведенном отрывке речь идет о каких-то видах одежды), но и тем, что нередко **произвольно** семантизируются – в этом отношении они тоже близки к искусственным словам.

В одном ряду с искусственными словами стоят *hарах legomena* – выражения, случайно, один раз употребленные в тексте. У А.С. Пушкина в записках встречается: *Вот тебе, брат, – сказал мне жеби, – лошадь на завтрашний путь*. Больше нигде это слово не употребляется. «Словарь языка Пушкина» поясняет: *Жеби* – мертвец (у североамериканских индейцев). В дневниках В.А. Жуковского встречается запись: *Поутру показывал свои рисунки и смотрел клодовеки*. В письме Марии Будберг, секретаря Горького, говорится: *Вы все пискулиты*. Все эти *клодовеки* и *пискулиты*, очевидно, создают дополнительную работу для современных лите-

ратуроведов, а для нас это промежуточный случай между искусственным и редким (случайным, разовым) словом.

Таким образом, **второй вывод** можно сформулировать примерно так: между искусственным словом и обычным словом нет резкой, непреодолимой границы.

Стоит добавить, что искусственные слова могут возникать в результате ошибок: обмолвок, описок. Это своего рода лексические «порутики Кижее», пользуясь известным названием Ю.Н. Тынянова. А.Ф. Журавлев [5] называет такие номинации «патологическими», но у них есть свои основания, лежащие в механизмах речевой деятельности.

Классический пример издательского ляпсуса – слово *вавузоар*, напечатанное в заметке Н.С. Лескова «О квакерях» (Собрание сочинений в 11 томах, т. 9. М., 1958): *...Он так и сделал, – он уехал в Шотландию на целый год и возвратился оттуда с молодой женою, которая в первый же день своего приезда в дом мужа собственноручно вымыла вавузоар'ом [детским мылом] уши его детям...* Здесь *вавузоар* – это прочитанное по-русски английское слово *babysoap*, т.е. «детское мыло».

С учетом сказанного, особое внимание стоит уделить психологическому аспекту создания и восприятия искусственного слова. Это вопрос не только соотношения идиолектов говорящего и слушающего. Если посмотреть на произвольные номинации отдельно с позиций разных участников речевого акта, то перед нами две разные стратегии.

С точки зрения говорящего, искусственное слово должно бросаться в глаза, выделяться на фоне остального текста. Используя изобретенный им самим знак, адресант заведомо, сознательно нарушает конвенцию, принятую относительно языка общения: он говорит то, что непонятно **никому**, кроме его самого. Создавая знак, он в каком-то смысле приравнивает себя к творцу, к Демиургу, чувствует себя хозяином положения, способным диктовать, навязывать свои условия собеседнику, предполагать специальные коммуникативные задачи и т.п. Он имеет право **на интригу, на провокацию, на коммуникативное превосходство**.

В качестве образца такого речевого поведения, хорошо знакомого русскоязычному читателю, можно привести реплики Сатина – одного из персонажей горьковской пьесы «На дне». По ходу действия Сатин то и дело щеголяет словами вроде *органон, сикамбр, макробиотика*. Это, конечно, не искусственные номинации, а агнонимы (сам герой говорит: «Люблю непонятные,

редкие слова»). Но, судя по тому, что говорящий использует их не по назначению, да еще и искажает при этом (в частности, он говорит «Гиблартапп»), значения их абсолютно неважны и условны. С помощью подобных маркеров Сатин пытается противопоставить себя остальным обитателям ночлежки, выделиться на общем фоне.

Если для говорящего важно «оттолкнуть» искусственное слово от естественных слов языка, противопоставить его обычным номинациям, то обязанность слушающего – понять текст. Он, конечно, может в данной ситуации обидеться или насторожиться, но общая нацеленность на коммуникативный эффект заставляет его выбирать иную тактику. Это объясняет определенный **коммуникативный конформизм и толерантность** в его поведении: стремление сблизить, приравнять искусственное слово к обычной номинации, списать его на категорию малознакомых слов. (Это ведь именно для слушающего – не для говорящего – граница между искусственным словом и агнонимом расплывчата!) Вместе с тем, нельзя не признать, что употребление искусственного слова занижает социалингвистическую позицию адресата, напоминает участникам речевого акта об их различной социалингвистической роли. А наш **третий вывод** выглядит так: искусственное слово занимает разное место в речевых тактиках говорящего и слушающего.

Но, возможно, исследователю стоит поднаться над этими различиями и взглянуть на интересующий нас предмет еще и с общих семиотических позиций. Дело в том, что произвольная номинация существует только в составе текста, как его элемент. И это в корне меняет ее природу. Текст **облагораживает искусственное слово**, делает его знаком. Оказывается, что говорящий **зачем-то** его использует, а получатель, со своей стороны, всячески стремится семантизировать этот доселе чуждый элемент, воплотить в нем часть смысла всего текста. Уместно вспомнить здесь изящную формулу Харальда Вайнриха, разъясняющую соотношение слова и целого текста: «Прежде всего и всегда есть слово в тексте. <...> Мы не рабы слов, потому что мы хозяева текста» [1: 54].

По сути же, произвольная номинация – элемент не просто текста, но **дискурса**. Функционирование искусственного слова обусловлено совокупностью культурных и коммуникативных факторов (таких, как ситуация общения, замысел и социалингвистический ранг говорящего, уровень языковой компетенции и настрой слушающего, исторический контекст и т.д.).

Ж. Вандриес в своей книге «Язык», вышедшей 1-м изданием в 1921 году, характеризовал способность человека изобретать новые слова как «фикцию». Но, кажется, сегодняшней жизненный опыт рисует в этом отношении иную картину. Наш современник, сталкивающийся с огромным количеством заимствованных номинаций, психологически готов их переварить.

Фактический материал дает богатую пищу не только для психолингвистических, но и для социалингвистических наблюдений. Как уже отмечалось, искусственное слово в фантастической литературе (предназначенной для определенного круга читателей) занимает свое естественное место. Но, допустим, в институциональной (юридической и т.п.) литературе использование произвольных номинаций запрещено, оно там невозможно «по определению». В текстах, отражающих идеологию тоталитарных режимов, искусственные слова не приветствуются (если только они не выполняют там магическую функцию). В то же время либерализация публичного общения, укрепление принципов демократичности и толерантности, а тем более постмодернистской идеологии, легко допускает такие речевые ситуации.

Наконец, стоит заметить, что не только дискурс влияет на поведение искусственной номинации: между ними существует и обратная связь. «Чужое» слово, попадая в дискурс, может, как вирус, «заражать» его и постепенно подчинять себе. В «Школе для дураков» Саши Соколова есть такой эпизод. В компании железнодорожников кто-то читает «совершенно случайно» оказавшуюся под рукой книгу Ясунари Кавабата. И сам дух японской прозы, и загадочно звучащие слова – *сяку*, *дзе*, *гета* и т.п. – постепенно приводят к тому, что вся ситуация становится совершенно японской, и действующие лица тоже «ояпониваются». Конечно, перед нами типично постмодернистский текст, в котором реальность вторична по отношению к языку и к художественному замыслу. Но вспомним примеры из нашей повседневной практики, когда любое **особое** слово – термин, жаргонизм, вульгаризм и т.п. – может послужить сигналом переключения на иной код и постепенного перерождения дискурса. Поэтому слово все же – не пассивный элемент дискурса, у него есть и текстосозидающая роль, которая особенно хорошо видна в особых ситуациях.

А применительно к нашему материалу можно утверждать, что в составе дискурса произвольная номинация превращается из искусственного слова в инокультурный джокер, придающий тексту дополнительную глубину, ср.:

[6: 28–31]. Именно дискурс предопределяет особенности употребления искусственного слова, и в этом заключается наш **четвертый вывод**.

Список литературы

1. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия, М., 1987. С. 44–87.
2. Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю. М., 1937.

3. Горелов Н.И., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. Изд. 4-е. М., 2004.
4. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974.
5. Журавлев А.Ф. Механические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1982. С. 45–109.
6. Норман Б. Значение слова и смысл предложения: семантический компромисс в ходе восприятия текста // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 4. Opis, konfrontacja, przekład / red. I. Łuczaków i J. Sokołowski. Wrocław, 2004. С. 203–209.
7. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006.

ARTIFICIAL WORDS IN THE NATURAL DISCOURSE

B. Yu. Norman

Using the material of the Russian language, the author studies the behavior of an artificial (invented) word in the natural text (mainly, fiction) and analyzes the features of the speaker's and the listener's speech strategy.

Keywords: artificial word, agnonym, discourse.